

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-54-65

Д.Д. Усенок**Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация**

«Возвращение из СССР» Андре Жида: до и после

Аннотация. В статье анализируются причины, по которым французский писатель Андре Жид (1869–1951), за которым после выхода в свет его ранних произведений закрепилась репутация аполитичного эстета, впоследствии пришел к левым взглядам и заинтересовался Советской Россией. Выявлены мотивации, побудившие А. Жида написать «Возвращение из СССР» (1937), а позднее уточнять свои взгляды в «Дневнике», который он вел на протяжении почти всей жизни. Прослеживаются метаморфозы, происходившие в сознании французского писателя: переход от увлечения левой идеей и поездки в Советский Союз к разочарованию в опыте строительства нового общества, критике существенных недостатков общественно-политической и культурной жизни в СССР в результате визита в нашу страну в 1936 г., а затем осознания роли Советского Союза как единственного возможного противовеса фашистской Германии. В исследовании прослеживается динамика развития отношения А. Жида к СССР, отмечается вклад французского писателя в создание образа Советского Союза на Западе и выявляются основные факторы, определившие отношение А. Жида к коммунистической идее. Методология статьи опирается на традицию исторической поэтики А.Н. Веселовского, позволяющей исследовать эволюцию литературного сознания и его форм, в данном случае образа России, в творчестве А. Жида. В практике школьного и вузовского преподавания данная методология может оказаться эффективной в формировании исторического сознания обучающихся и в развенчивании мифов о нашей стране.

Ключевые слова: Андре Жид, СССР, модернизм, коммунизм, религиозное сознание, русская литература, эстетизм, образ России в зарубежной литературе

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Усенок Д.Д. «Возвращение из СССР» Андре Жида: до и после // Литература в школе. 2022. № 1. С. 54–65. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-54-65

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-54-65

D.D. Usenok**Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation**

“Return from the USSR” by André Gide: Before and after

Abstract. The article analyzes reasons, why the French writer André Gide (1869–1951), who earned a reputation of an apolitical aesthete after his earlier works, eventually evolved to adopt left-wing views and took interest in the Soviet Russia. The article reveals the motives that prompted A. Gide to write “Return from the USSR” (1937), and later to clarify his views in “The Journals”, which he had been writing for his almost entire life. The article traces metamorphoses which occurred in the mind of the French writer: transition from fancy for the left-wing idea and his trip to the Soviet Union to disenchantment with building of a new society, criticism of major shortcomings of the social and political and cultural life in the USSR as a result of his visit to our country in 1936 and then to understanding that the Soviet Union was the only possible restraint against the Nazi Germany. The study gives an overview of the dynamics of development of André Gide’s attitude to the USSR, notes the writer’s contribution to creating an image of the Soviet Union in the West and identifies the main factors that defined A. Gide’s relation of communist principles. The methodology of the article is based on the tradition of historical poetics by A.N. Veselovsky, which allows us to study the evolution of literary consciousness and its forms, in this case the image of Russia in the work of A. Gide’s. In the practice of school and university teaching, this methodology can be effective in shaping the historical consciousness of students’ and debunking myths about our country.

Key words: André Gide, USSR, modernism, communism, religious conscience, Russian literature, aestheticism, image of Russia in the foreign literature

CITATION: Usenok D.D. “Return from the USSR” by André Gide: Before and after. *Literature at School*. 2022. No. 1. Pp. 54–65. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-54-65

В последнее время проблема восприятия России на Западе привлекает все большее внимание отечественных исследователей¹. В зарубежном литературоведении эта проблематика разрабатывается довольно давно, однако западным ученым не всегда удается избежать известной ангажированности. Давая аналитический обзор, с их точки зрения, наиболее значимых или характерных для западного литературоведения рубежа XX–XXI вв. работ, посвященных репрезентации России в европейском литературном и общественном сознании, В.П. Трыков и А.Р. Ощепков приходят к выводу, что «западное литературоведение зачастую выходит за рамки объективности при анализе дискурса о России, а работы, претендующие на научность, превращаются в новые мифы о России» [2, с. 64–69]. Противостоять подобному мифологизаторству в научном дискурсе, анализировать предпосылки, приемы конструирования образа России в зарубежной литературе – важная задача отечественной науки о литературе.

¹ См.: Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М., 1995; Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань, 2010; Ощепков А.Р. Образ России во французских путевых записках XIX века: монография. М., 2010; Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов): монография. Нижний Новгород, 2012; Россия в литературе Запады: коллективная монография / отв. ред. В.П. Трыков. М., 2017; Трыков В.П. Константы «русскости» и эволюция русского культурного сознания в книге Эжена-Мельхиора де Вогиюэ «Русский роман» // RHEMA. Рема. 2017. № 3. С. 21–39; Трыков В.П. Тургеневская традиция в книге Э.М. де Вогиюэ «Русские сердца» // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2019. № 4. С. 64–72; Полякова О.А., Поляков О.Ю. Особенности рецепции и репрезентации «Другого» в «Русском дневнике» Дж. Стейнбека // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 184–189 и др.

Одним из тех, кто внес существенный вклад в формирование образа России в литературном и общественном сознании Запады был французский писатель Андре Жид (1869–1951). После событий Октябрьской революции Россия привлекла особое внимание западных интеллектуалов. Несмотря на возникший на Запады в конце XIX в. всплеск интереса к русской культуре, Российскую империю зачастую воспринимали как консервативное государство из-за архаичной формы правления. В 1917 г. ситуация изменилась, и Россия стала одной из первых стран, которая начала реализовывать социалистические идеи, популярные в то время среди части западной интеллигенции. Авангард в русском искусстве совпал с обновлением политического режима. Будущее Европы стали часто связывать с происходящим в России, интеллектуалы начали посещать страну Советов, спорить о перспективах возникшего государства. Во Франции интерес к СССР был особенно сильным.

А. Жид всегда интересовался русской литературой, в 1923 г. издал сборник лекций и статей о Ф.М. Достоевском, поддерживал близкие отношения с И.А. Буниным, следил за советской и эмигрантской литературой. Его интерес к России сохранялся многие годы и имел разное выражение. Долгое время Жид воспринимался современниками как аполитичный эстет, и тем удивительнее был его пробудившийся интерес к коммунистическим идеям, а впоследствии и к СССР. С.Л. Фокин называет эту метаморфозу «обращением», поскольку, по его мнению, замещение религиозного сознания сознанием политическим стало характерным для писателей той эпохи [3, с. 45].

В этом смысле Жид не стал исключением. В своей статье «Страницы из дневника» (1933) он так и напишет о своих сформировавшихся политических взглядах: «Поэтому можно сказать, что коммунизм вырос из предательской деятельности христианства и что в существовании коммунизма не было бы смысла, если бы не обанкротилось христианство. Эта ранее не замеченная слабость заключается в том, что христианство (конечно – косвенно, невольно, но ощутимо) играло на руку капитализму» [1, с. 621].

Религиозный пафос, свойственный молодому Жиду, сочетался с его открытостью новому опыту как в повседневной, так и в духовной жизни. Неприятие устоявшихся догм и желание обогатить свой жизненный опыт разнообразием плотских утех отразились в таких его произведениях, как «Яства земные» (1897) и «Имморалист» (1902), после которых за французским писателем закрепилась репутация «аморалиста» и «декадента». О собственной эволюции Жид рассуждал на страницах «Дневника» (1887–1950), который он вел на протяжении почти всей жизни. Ему было свойственно стремление непрестанно меняться, фиксировать и осмыслять происходящие с ним перемены. Можно сказать, что дневник стал для Жида школой интеллектуальной честности и ясности в отношениях с самим собой. Он скрупулезно фиксировал эволюцию своих эстетических и религиозных воззрений. Оставаясь христианином, стремился устранить в своем сознании противоречия, которые создавала, по его мнению, католическая церковь, навязывая человеку ложное представление о христианстве и закрывая глаза

на экономический произвол французского государства.

В этом смысле отношение Жида к христианству не было, вопреки расхожему мнению консервативных критиков, следствием его «аморализма», но скорее явилось продолжением его интеллектуальной честности и желания глубже понять происходящие в мире события. Показателем его роман «Подземелья Ватикана» (1914), в котором писатель создает сатиру на современную католическую церковь, сохранившую только свою символическую составляющую, но переставшую быть домом Божиим по своей сути. В то же время Жид резко не принимает безбожника Лафкадио, который вслед за персонажем Достоевского Иваном Карамазовым считает, что если Бога нет, то все позволено. Духовные искания Жида уводили его все дальше от официальной церкви. Дневник отражает внутреннюю борьбу писателя и причины, по которым он пришел к коммунистическим идеям, хотя оставался вне партий. Учение К. Маркса стало для него продолжением религиозных поисков и страсти, которая направляла его писательский путь на протяжении всей жизни. В 1931 г. Жид напишет об этом так: «Эволюция моей мысли? Без моей изначальной христианской формации (или деформации), возможно, не было бы никакой эволюции вовсе» [6, р. 309].

Политический опыт России после 1917 г. привлек А. Жида по двум причинам. Во-первых, писатель критиковал капитализм и потакавший ему католицизм. Идеи социальной и экономической справедливости, которые олицетворяла левая мысль, стали для Жида подспорьем в его критике буржуазной старой Европы. Вторая

причина была связана с особенностями художественного сознания Жида, которого всегда больше интересовал процесс, чем результат. А. Моруа вспоминает, что, будучи начинающим писателем, встретился с Жидом в Понтиньи, где собирались французские литераторы, дискутировали и делились идеями. Жид предложил Моруа показать свой новый текст, над которым работал начинающий автор. Когда Моруа объяснил, что вещь еще не закончена, Жид ответил: «Тем более! Меня интересует только незавершенный текст. Законченная книга производит на меня впечатление чего-то омертвевшего, того, с чем нельзя найти живую связь. Книга в процессе ее создания – вот что дает мне ощущение живого слова» [7, р. 23]. Жид прослеживает то, как зарождается и формируется мысль. В этом смысле А. Жид – писатель *становления*, а не *состояния*, поэтому двумя его главными текстами стали «Дневник» и «Фальшивомонетки» (1925), «кубический» роман, написанный на стыке черновика и дневника. По этой же причине Жид в «Фальшивомонетчиках» дал свой вариант модернистского «романа о романе», т.е. произведения, в котором писатель осмысливал не только и не столько жизнь, сколько сам процесс литературного творчества.

В то время Россия своим опытом обещала миру огромные перемены, способные повлиять на судьбу человечества. Страна находилась в движении, если не сказать, в *перерождении*, и не было очевидно, к чему приведет ее стремительное развитие. Именно это привлекло писателя, критиковавшего европейских консерваторов как в политике, так и в литературе. «По мысли Андре Жида, католи-

цизм – это догматизм, оправдание бытия, тогда как сам он ищет оправданий становлению» [3, с. 49].

Возникновение нового общества волновало А. Жида как человека эпохи модернизма. Одним из основополагающих постулатов модернистов было осознанное проживание жизни вопреки автоматизму и утилитарности. Европа воспринималась Жидом как нечто архаичное, нуждающееся в обновлении. Институты, которые репрессируют человеческое сознание, по А. Жиду, – это классовое общество, семья и церковь. Из этих трех составляющих складывалась ненавистная писателю традиционная буржуазная мораль. В Советском государстве Жид хотел видеть в первую очередь возможность для человека освободиться от этих инстанций, закрепощающих личность. В своих главных произведениях, «Имморалисте», «Подземельях Ватикана» и «Фальшивомонетчиках», Жид предпринял критику этих трех институтов.

А. Жид пришел к коммунистическим воззрениям не под влиянием «моды». К ним привела логика его духовного становления. Он проделал путь от аполитичного эстета до страстного публициста, напряженно всматривавшегося в ход мировых событий, о чем свидетельствовали книги «Путешествие в Конго» (1927), «Возвращение из Чада» (1928) и «Возвращение из СССР» (1937).

Желание понять, что такое коммунизм и как отразятся абстрактные идеи на конкретной жизни советского человека, привело Жида к удивительной трансформации мысли. С.Л. Фокин описывает эту трансформацию как причудливое скрещенье предельного индивидуализма и эстетизма с философией коммунизма [Там же, с. 66].

Не только Жид, но и многие другие французские интеллектуалы ощущали политический кризис во Франции и были разочарованы в либерализме. В поисках опоры они выбирали между новыми политическими режимами – коммунизмом и фашизмом. А. Мальро пишет роман «Завоеватели» (1928), где читатель обнаруживает героический образ большевиков, способствующих революционным событиям в Китае. Среди прочих французских классиков Р. Роллан и А. Барбюс горячо поддерживали Октябрьскую революцию и видели в СССР пример для подражания всем европейским странам. С другой стороны, современную Францию критиковал Л.-Ф. Селин, поддержавший фашистскую Германию и принявший режим Виши. Он также посетил СССР в 1936 г., оставил резко отрицательный отзыв на страницах своей книги «Безделицы для погрома» (1937) и даже хотел отправиться добровольцем во время войны Советского Союза с гитлеровской Германией. Левых среди французских интеллектуалов было едва ли не больше, чем сторонников крайне правых. И «обращение» Жида в коммунистическую веру вызвало весьма неоднозначную, а порой и весьма критическую реакцию [4].

Первая дневниковая запись об СССР датируется 1931 г. Писатель говорит, что хочет дожить до триумфа Советского государства и даже оказывать посильное участие в его строительстве: «Увидеть, что может дать государство без религии, общество без перегородок; религия и семья – вот два злейших врага прогресса» [1, с. 623]. Позднее в СССР была переведена статья А. Жида «Страницы из дневника» (1933), которая предва-

рила приезд французского писателя в Советский Союз. Текст этой статьи включал в себя критику католической церкви, классового общества и противопоставление ему советского строя в качестве позитивной альтернативы. Пассаж, в котором Жид открыто выражает свое восхищение Советским Союзом, предваряет выражение восторгов от увиденного во время визита в страну в «Возвращении из СССР»: «Что меня восхищает в СССР, так это равенство возможностей, равенство шансов <...> Никакого сомнения в том, что русский ребенок, воспитанный по-новому и растущий в атмосфере нового общества, не будет заражен, не сможет заразиться духом кулака или рантье <...> Вместе с экономической системой нужно переделать и самого человека» [Там же, с. 623]. С тех пор взгляд французского писателя на страну Советов не менялся вплоть до поездки в СССР. По наблюдению Р. Море, автора книги «Андре Жид и СССР», Жид представил читателям и французской интеллигенции свой политический выбор в пользу СССР как логичную эволюцию и *эманацию* собственной личности, он в одночасье противопоставил свои взгляды общепринятому восприятию его мировоззрения [8, р. 24].

Н.Ю. Харитоновна пишет о том, что А. Жид интересовался троцкизмом, а также высказывался в защиту В. Сержа, которому в результате поддержки знаменитых западных писателей разрешили покинуть страну [6]. Во Франции Серж публикует два открытых письма Жиду, в которых просит писателя обратить внимание на то, как ущемляются права советских людей и не верить в первое сложившееся впечатление. Уже

тогда Жид стал интересоваться советской оппозицией, троцкистской группой. В Кремле знали о колебаниях французского писателя и предполагали, что реакция Жида на Советский Союз может быть очень двойственной. Сомнения, которые одолевали А. Жида, доказывают его беспристрастность и подлинное стремление разобраться в политической жизни СССР. Обвинения в ненадежности и даже предательстве, которые возникали справа и слева, свидетельствуют только о партийности самих обвинителей, но не об умонастроениях Жида.

А. Жид начинает свою работу «Возвращение из СССР» следующими словами: «Я всегда утверждал, что желание быть постоянно верным самому себе часто таит опасность оказаться неискренним. Я считаю, что особенно важно быть искренним именно тогда, когда речь идет об убеждениях многих людей, включая ваши собственные» [1, с. 521]. Как видно из приведенного пассажа, для Жида чрезвычайно важной была сконструированная им дихотомия «верности самому себе» и «искренности». «Верность самому себе», понимаемая как мировоззренческая непротиворечивость, последовательность, может стать для индивида ловушкой: она таит опасность окостенения, ограниченности, прерывания развития, становления. Жид никогда не боялся меняться, а значит, на следующем этапе своего становления противоречить себе прежнему. Между «верностью самому себе» и «искренностью» писатель выбирает «искренность», непосредственность, спонтанность реакций на внешний мир, даже если эти реакции противоречат его прежним представлениям о том или ином явлении.

Проявлением подобной «искренности» и вытекающей из нее противоречивости явилась книга «Возвращение из СССР», которая стала не меньшей неожиданностью для европейской интеллигенции, чем недавнее обращение писателя в коммунистическую веру. В ней он напоминает читателям и самому себе о том, что еще недавно связывал будущее Европы и ее культуры со славным будущим СССР. Но в предисловии Жид оговаривается: «Если я с самого начала ошибся, то лучше всего признаться в этом как можно раньше, ибо я в ответе за тех, кто станет жертвой моей ошибки. В этом случае самолюбие не должно мешать» [Там же, с. 521]. Жид не выносит приговор и напоминает читателю, что СССР – формирующееся государство и судить о нем еще рано. Вместе с нелицеприятными фактами, о которых в книге пойдет речь, Жид намерен рассказать и об успехах Советского государства. Ему претит сама мысль – принадлежать к тем, кто из партийности умалчивает о плохом в СССР или, напротив, демонстрирует только недостатки советского строя. Как известно, книга получилась во многом критической и даже жесткой. После ее публикации Жид надолго исчез из литературного пространства Советской России.

Книга состоит из предисловия, шести глав и приложения, включающего в себя пять частей. Логика этой работы строится на оппозициях, которые намечает автор: народ и власть, Москва и Ленинград, пропаганда и действительность, официальная культура и цензура. Нужно отметить, что, говоря о русских, Жид исключительно щедр на добрые слова. Его восхищает их способность

к самоорганизации и непринужденности при завязывании отношений. Более того, иногда писатель называет восхищающие его черты русского народа следствием политики: «Но как не восхищаться страной и режимом, способными такую молодежь создавать? <...> Да, я не думаю, что где-нибудь еще, кроме СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы» [1, с. 527].

Вместе с тем Жид не прошел мимо явления советской действительности, которое вызвало его отрицательную оценку, – унификации личности. Он отмечает исключительное однообразие как в умах, так и в нарядах, быту советских людей: «В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. Впрочем, сознание людей сформировано таким образом, что этот конформизм им не в тягость, он для них естествен, они его не ощущают, и не думаю, что к этому могло бы примешиваться лицемерие. Действительно ли это те самые люди, которые делали революцию? Нет, это те, кто ею воспользовался» [Там же, с. 535]. Интерьер в домах колхозников, по выражению писателя, производит впечатление абсолютной безликости [Там же, с. 535]. Низкое качество товаров и их дефицит провоцирует возникновение очередей. Жида беспокоит недостаток внимания к народному искусству советских республик. Писатель приходит к выводу, что не только враждебный его мировоззрению капитализм формирует буржуазное сознание: «Трудно представить что-нибудь более глупо-буржуазное, более мещанское, чем нынешняя продукция. Витрины московских магазинов повергают в отчаяние» [Там же, с. 533].

Примечательно, что эстетизм и индивидуализм, свойственные А. Жиду в молодости, наложили серьезный отпечаток на восприятие писателя. Наличие выбора и личный вкус человека способствуют, по убеждению Жида, возникновению индивидуальности. Именно поэтому он так резко не принимает обнаруженную в СССР унификацию.

В третьей главе Жид развивает эту же тему, но делает больший акцент на интеллектуальном состоянии общества. Монополия на информацию привела к проблеме, о которой он недвусмысленно высказывается: «Получается, что, когда ты говоришь с каким-нибудь русским, ты говоришь словно со всеми сразу. Не то чтобы он буквально следовал каждому указанию, но в силу обстоятельств отличаться от других он просто не может. <...> Советский гражданин пребывает в полнейшем неведении относительно заграницы. Более того, его убедили, что решительно все за границей и во всех областях хуже, чем в СССР. Эта иллюзия умело поддерживается – важно, чтобы каждый, даже недовольный, радовался режиму, предохраняющему его от худших зол» [Там же, с. 536]. Жид ехал в СССР, чтобы убедиться в том, что в стране будущего упразднены институты, о которых говорилось в начале статьи: традиционная семья, социальное расслоение и религия. Но писатель обнаруживает, что даже после глобальных перемен ни одна из составляющих буржуазного общества не исчезла.

Для автора «Имморалиста» было очевидно, что революционные настроения в обществе не могут за короткий срок победить человеческую страсть к накопительству и другим буржуазным порокам, но новая

власть может хотя бы не поощрять их. Однако Жид обнаруживает все признаки того, что создающееся неравенство не только не беспокоит советское правительство, но даже мотивируется его решениями. Контрреволюция, о которой так много говорится в СССР, по мнению Жида, не более чем предлог для борьбы с настоящим революционным мышлением. Правительству нужны конформисты и соглашатели, а не дискуссия о будущем едва возникшего государства. Те, кто одобряют линию партии, быстро добиваются повышений по службе. Остальные не имеют надежды на улучшение жизни: происходит неизбежное и несправедливое расслоение. Формируются социальные группы и даже новая разновидность аристократии.

На эту проблему наслывалось и то, что происходило в стране с семейным вопросом. А. Жид знал о практике Советского правительства в 1920-е гг.: тогда считалось, что воспитанием детей должны заниматься не родители, а государство. Это, конечно, находило отклик у автора «Фальшивомонетчиков», который на протяжении всего творческого пути утверждал кризис буржуазной семьи, воспитывающей конформистов. В книге «Возвращение из СССР» Жид напишет: «С восстановлением семьи (как “ячейки общества”) права наследия и права на имущество по завещанию тяга к наживе, личной собственности заглушают чувство коллективизма с его товариществом и взаимопомощью» [1, с. 542]. Важно добавить, что помимо института наследия Жид видел в семье и другую опасность. Писатель считал, что ребенок либо подстраивается под своих

родителей, подавляя свое подлинное «я», либо большую часть жизни тратит на преодоление семейного воспитания и становится полноценной личностью только в старости.

Возвращаясь к словам А. Жида о том, что советский строй 1930-х гг. поощрял конформизм, а не дискуссию, можно сделать вывод: для французского писателя восстановление семьи означало регресс в общественном сознании и тотальную унификацию на всех уровнях, от производства товаров до мышления людей. Правительство потакало к накопительским и другим буржуазным инстинктам своих граждан, желая видеть в них союзников. Несправедливо занявшие свои места чиновники презирают рабочих, по наблюдению Жида, как в царское время помещики своих крепостных: «Как может не коробить то презрение или, по крайней мере, равнодушие, которое проявляют находящиеся или чувствующие себя “при власти” люди по отношению к “подчиненным”, чернорабочим, горничным, домработницам и, я собирался написать, бедным. Действительно, в СССР нет больше классов. Но есть бедные. Их много, слишком много. <...> Это мелкобуржуазное сознание, которое все более и более утверждается там, – с моей точки зрения, решительно и глубоко контрреволюционное. <...> Сознание, которое там сегодня считают контрреволюционным, на самом деле – революционное сознание, приведшее к победе над полусгнившим царским режимом» [Там же, с. 543]. А семьи, вынужденные встраиваться в такую систему, создают для нее службу. Эти люди будут убеждены в своей правоте, поскольку другой им будет неоткуда

знать. В завершение Жид добавляет, что ни в какой другой современной стране, по его мнению, сознание не угнетено, не запугано и не поработано так, как в СССР.

Отдельным пунктом, которого А. Жид касается в своей книге, стал религиозный вопрос. По наблюдению писателя, он не был верно разрешен, и это впоследствии повлияло на возникший в стране Советов культ личности. Казалось бы, СССР – атеистическое государство, и хотя бы благодаря этому политическому решению в мышлении советского человека может остаться пространство для свободы (хоть он и является заложником семьи и социального неравенства). Жида поразило то, какое место в сознании советского человека занимает фигура И.В. Сталина. Когда писатель хотел отправить телеграмму генеральному секретарю ЦК ВКП(б), фактическому руководителю СССР, обращаясь к нему на «Вы», переводчик сказал, что это невозможно, и посоветовал добавить словосочетание «вождь народов» или «руководитель трудящихся». Об этом Жид пишет с недоумением и предполагает, что французский читатель может ему не поверить [1, с. 546]. Везде портреты Сталина; во время любого застолья, где есть чиновники, поднимают тост в его честь, а пресса никогда не дает своих оценок, пока об этом не выскажется верховный главнокомандующий. Наблюдая в действиях Сталина непоследовательность и оплошности, Жид задается вопросом, что заставило этот «великий ум», как о «вожде народов» говорят в СССР, принять настолько нелогичные решения: «Сталин принял много решений, и все они в последнее время

продиктованы страхом, который внушает Германия. Постепенное восстановление семьи, личной собственности, права наследования – все это объясняется достаточно убедительно: важно внушить советскому гражданину чувство, что у него есть нечто свое, личное, что следует защищать. Но так первый порыв постепенно гаснет, устремленный вперед взгляд притупляется. Мне скажут, что все это необходимо, срочно, что вторжение внешних сил может погубить начинание. Но уступка за уступкой – и начинание скомпрометировано» [Там же, с. 547].

А. Жид приводит читателя к выводу, что СССР стал государством, в котором риторика мало коррелирует с практикой. В.И. Ленин, символ модернистского государства, тоже был бы признан контрреволюционером, по мнению Жида, так как его решения не согласуются с политикой Сталина. В «Поправках к моему “Возвращению из СССР”» Жид добавит к сказанному о Ленине: для того чтобы служащие не превращались в бюрократов, Ленин считал необходимым три условия: сменяемость и выборность в любое время; зарплата, равная средней зарплате рабочего; контроль всех над всеми таким образом, чтобы все временно могли становиться служащими, никто не мог превратиться в бюрократа. Из этих трех условий ни одно не выполнено» [Там же, с. 584]. Французский писатель видит только регресс по сравнению с переходной ситуацией 1920-х гг. Он утверждает, что вместо диктатуры пролетариата возникла диктатура одного человека [Там же, с. 548].

В приложении к написанной книге А. Жид, помимо наиболее волнующих его тем, также рассуждает

о степени свободы художника и статусе религии в СССР. Возвращаясь к религиозной теме, Жид снова выражает свое одобрение борьбы с церковью в СССР и отказа от мистики в пользу науки. Его тревожит, что «из-за невежества, на которое обрекли народы СССР, они беззащитны и беспомощны перед эпидемией мистики, способной возникнуть в любое время» [1, с. 556]. Вместе с тем он считает христианство учением, даровавшим людям большую надежду, и отрицать его благотворное влияние полагает невозможным. Жид добавляет, что воспитательная функция христианства не меньше, чем заложенная в греческих мифах. Европейская культура не может быть понята без христианской мысли.

Во время Второй мировой войны А. Жид возвращается к русской теме. 15 января 1945 г. он делает запись в своем «Дневнике», где признается в большом желании вновь посетить СССР, говорит о том, что кроме «недостатков», о которых он писал в «Возвращении из СССР», ему нравилось почти все [6, р. 438]. В первую очередь он говорит о народе, с которым испытывает душевное родство. Жид подчеркивает, что не отказывается от своих слов о делении общества на классы и о несвободе умов, которые так удручали писателя в Советском Союзе, но вместе с тем он находит повод похвалить Сталина за открытие церквей и за то, сколько он сделал для Красной Армии. Жид добавляет, что конформизм, вызванный угнетением мысли, может вскоре коснуться и Франции, поскольку для победы над нацистским тоталитаризмом необходим альтернативный

тоталитарный режим. И вскоре придется бороться «с этим новым конформизмом» [Там же, р. 439].

В заключение необходимо отметить, что переменчивость позиций А. Жида по отношению к СССР объясняется не только принципиальным отказом писателя от догматизма, верностью принципу «искренности», но и изменением общественно-политической ситуации в Европе. С началом Второй мировой войны Жид, как и многие представители европейской интеллигенции, увидел в Советском Союзе единственную силу, способную противостоять гитлеровской Германии, и, оставаясь при своем мнении относительно несвободы мышления советского человека и возникновения контрреволюционных тенденций в советской действительности, Жид не колебался между сталинским и нацистским режимами. Более того, он смог найти некоторые плюсы в политике Сталина и, повторяя свою мысль о том, что СССР не до конца сформированное государство, продолжал надеяться на возможность увидеть на востоке справедливое и свободное государство, которое бы послужило примером для Европы. Отдельно стоит отметить неослабевающий интерес Жида к русской классике и эмигрантской литературе. В дневнике он пишет о том, что работа Бунина о Толстом помогает ему понять русского классика, которому он всегда предпочитал Достоевского [Там же, р. 410]. Позднее именно А. Жид поздравит Бунина с юбилеем от лица французской интеллигенции в прессе и до последних дней будет сохранять интерес к русской литературе в СССР и за его пределами.

Библиографический список

1. Жид А. Страницы из «Дневника» // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР / пер. с фр. М., 1990.
2. Трыков В.П., Ощепков А.Р. Западная литературоведческая «Россика» XX–XXI веков: основные фигуры, тенденции и подходы // Вестник Международной академии наук (русская секция). 2008. № 2. С. 64–69.
3. Фокин С.Л. Обращение: Советская Россия в «Дневнике» А. Жида // «Русская идея» во французской литературе XX века. СПб., 2003.
4. Харитонова Н.Ю. Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации // Литературный факт. 2017. № 3. С. 164–171.
5. Харитонова Н.Ю. К истории публикации «Возвращения из СССР» Андре Жида: Взгляд из Кремля // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3-4. С. 184–192.
6. Gide A. *Journal. Une anthologie (1889–1949)*. Paris, 2020.
7. Maurois A. *De Gide à Sartre*. Paris, 1965.
8. Maurer R. *André Gide et l'URSS*. Berne, 1983.

References

1. Gide A. *Stranitsy iz «Dnevnika»*. *Gide A. Les Caves du Vatican. Les Faux-Monnayeurs. Au retour de l'URSS*. Transl. from French. Moscow, 1990.
2. Trykov V.P., Oshhepkov A.R. Western literary “Rossika” of the XX–XXI centuries: Main figures, tendencies and approaches. *Herald of the International Academy of Science. Russian Section*. 2008. No. 2. Pp. 64–69. (In Rus.)
3. Fokin S.L. Appeal: Soviet Russia in A. Gide’s “Diary”. «*Russkaya idea*» vo frantsuzkoy literature XX veka. St. Petersburg, 2003. (In Rus.)
4. Kharitonova N.U. Andre Gide is a friend of the USSR. The birth of reputation. *Literary Fact*. 2017. No. 3. Pp. 164–171. (In Rus.)
5. Kharitonova N.U. On the history of the publication of “Return from the USSR” by André Gide: A view from the Kremlin. *Studia Litterarum*. 2016. No. 3-4. Pp. 184–192. (In Rus.)
6. Gide A. *Journal. Une anthologie (1889–1949)*. Paris, 2020.
7. Maurois A. *De Gide à Sartre*. Paris, 1965.
8. Maurer R. *André Gide et l'URSS*. Berne, 1983.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021, принята к публикации 15.11.2021

The article was received on 30.09.2021, accepted for publication 15.11.2021

Об авторе / About the author

Усенок Дмитрий Дмитриевич – аспирант кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Dmitry D. Usenok – PhD Post-graduate student at the World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: 79629498571@yandex.ru